

Эдгар
Аллан ПУ

Причины
Тьмы НОЧНОЙ

Новая смелая биография писателя

Биография эпохи

Джон Треш

**Эдгар Аллан По.
Причины тьмы ночной**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 82-94
ББК 85.335.41(2)6-8

Треш Д.

Эдгар Аллан По. Причины тьмы ночной / Д. Треш —
«Издательство АСТ», 2023 — (Биография эпохи)

ISBN 978-5-17-159003-1

Вот уже несколько десятилетий Эдгар Аллан По остается одним из самых популярных американских писателей. Он получил любовь и признание во всем мире за новаторскую детективную фантастику, рассказы ужасов и запоминающиеся, атмосферные стихи. Но что, если у человека, написавшего «Ворона» и «Падение дома Ашеров», была и другая сторона? В «Причинах ночной тьмы» Джон Треш предлагает новую смелую биографию писателя, чья короткая, мучительная жизнь продолжает волновать и вызывать жгучий интерес. Проливая свет на эпоху, когда границы между развлечениями, спекуляциями и научными исследованиями были размыты, Треш раскрывает одержимость По наукой и его стремление продвигать и подвергать сомнению человеческие знания. По был заядлым и часто воинственным комментатором новых открытий, публиковался и выступал на литературных сценах, где также выступали самые выдающиеся ученые эпохи и псевдоинтеллектуальные мошенники. Треш показывает, что По жил, думал и страдал в окружении науки, а многие из его самых известных творческих работ лучше всего рассматривать через ее призму. Преследуя экстраординарные догадки и уникальное эстетическое видение, По оставался фигурой взрывоопасного противоречия: он с радостью разоблачал мистификации научных мошенников эпохи, даже когда сам мастерски совершал мистификации в своих романах.

УДК 82-94
ББК 85.335.41(2)6-8

ISBN 978-5-17-159003-1

© Треш Д., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Введение	7
Эффект По	11
Часть 1	14
Глава 1	14
Сын сцены	16
Экспериментальная республика	18
Лондонские годы	20
Олд-Доминион	21
Глава 2	23
Лафайет, Гумбольдт и небесные маяки	24
Самая либеральная учебная программа	26
На Западном рубеже	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джон Треш

Эдгар Аллан По. Причины тьмы ночной

© Треш Д., текст, 2023.

© Захватова О., перевод, 2023.

© ООО «Издательство АСТ», 2023.

Дизайнер обложки Д. Агапонов

* * *

*Посвящается моей маме, которая читала мне леденящие душу
истории*

Введение

Тема: Вселенная

В начале февраля 1848 года нью-йоркские газеты объявили о предстоящем таинственном событии: «В четверг вечером Эдгар Аллан По прочтет лекцию в Библиотеке Нью-Йоркского общества... Предмет обсуждения – «Вселенная»». Более грандиозной темы нельзя и придумать! При этом никто не мог знать, чего конкретно ожидать от предстоящего мероприятия: рассказов, стихов, критической диатрибы. Подобная тема могла включать всё и вся.

Журнал *Home Journal* заявил: «Вопреки любым предположениям, уверенным можно быть только в одном: мы услышим самые свежие, поразительные и наводящие на размышления мысли». Господин По, «прирожденный анатом мысли», «разбирает гений и его имитации с мастерством, равного которому нет». Все эти объявления подстегнули спекуляции о самом человеке, ведь, несмотря на свою известность, Эдгар По больше года не появлялся на публике.

Библиотека, недавно переехавшая на пересечение Леонард-стрит и Бродвея, давала мало подсказок. Знали лишь то, что в совет директоров Общества входили такие светские личности, как банкир Корнелиус Рузвельт, а мероприятия выглядели более изысканными, чем в Американском музее Барнума в десяти кварталах к югу (Ральф Уолдо Эмерсон читал там свою «Лекцию о времени»). За ее дверями проходили всевозможного рода зрелища. Например, недавно там выступали швейцарские звонари, Американская ассоциация дагерротипии и фокусник синьор Блиц.

Будет ли лекция Эдгара По литературной, научной или какой-нибудь неизведанной новинкой? Газета *Weekly Universe* отметила: «Мистер По – не просто человек науки, не просто поэт, не просто литератор. Он – все вместе взятое; и, возможно, нечто большее».

Эта речь ознаменовала возвращение По после долгого отсутствия. Тремя годами ранее он прославился своим стихотворением «Ворон», его странная, манящая мелодия и припев, произнесенный загадочной птицей в адрес убитого горем ученого, запечатались в сознании публики: «Каркнул Ворон: «Никогда»¹». Впервые опубликованное под псевдонимом, стихотворение сразу произвело сенсацию, его перепечатывали и пародировали. *Gotham Gazette* восторгалась: «Стихотворение написано строфой, неизвестной прежде ни богам, ни людям, ни книготорговцам, но оно наполняет и восхищает слух дикой, грохочущей музыкой. Все читают его и восхваляют».

По стал завсегдатаем литературных салонов Нью-Йорка, где он притягивал слушателей напряженными, тихими декламациями. Поэтесса Фрэнсис Сарджент Осгуд вспоминала его «гордо поднятую красивую голову и темные глаза, вспыхнувшие электрическим светом чувств и мыслей». Другой автор сообщал о его репутации практика месмеризма, новой науки о невидимых жидкостях и вибрациях, объединяющих умы: «Люди считают, что в нем есть что-то сверхъестественное, и рассказывают самые странные истории о его месмерических опытах, и, более того, *верят* в них».

«Ворон» открыл и другие двери. В 1845 году Эдгар По выступил с лекцией «Поэты и поэзия Америки» перед толпой из трехсот человек, обличая слабое состояние американской литературы и критики, ее региональные клики и испорченную репутацию. К концу 1846 года стихи, рассказы, непоколебимые суждения и способность к провокациям приблизили По к его мечте – созданию собственного журнала. Очерк о нем в период первого расцвета славы говорит о том, что это был человек уравновешенный, остроумный и проницательный, имеющий все основания для оптимизма (хотя, возможно, и немного тревожный).

¹ Перевод К. Бальмонта

Однако удача ему изменила. Большую часть 1847 года он не появлялся в салонах и лекционных залах. Он переехал в Фордхэм, в двенадцати милях к северу от города, к своей тете и больной жене Вирджинии. Позже он признался другу: «Я стал безумцем с длительными промежутками отсутствия здравомыслия. Во время приступов абсолютной потери сознания я пил, одному Богу известно, как часто и как много».

И союзники, и враги строили догадки о его состоянии. Его друг Джордж Эвелет, студент-медик, писал редактору Эверту Дайкингу: «Где мистер По, что он делает, и что может сделать? Продолжает ли он пить, или исправился?» Его соперник Томас Данн Инглиш, написавший роман со злобной карикатурой на пьяного По, высмеивал его состояние: «Мы знаем, что мистер Э. А. По нанят для изготовления рельс для новой железной дороги через Бродвей. Несколько дней назад его видели идущим по улице, очевидно, прокладывая путь».

На самом же деле, отстранившись от склок нью-йоркских газет и салонов, в безопасности от общественного внимания и мелких нападок, По замыслил следующий этап своей карьеры. В момент изоляции, в один из самых тяжелых периодов жизни, его воображение воспарило. Бродя по пышным лугам Фордхэма и суровым, каменистым скалам вдоль Гудзона, он брался за новые смелые произведения: эссе с изложением «науки о писательстве»; «Улялюм», балладу, освещенную «туманным сиянием» недавно родившейся звезды; утопический рассказ «Поместье Арнгейм», написанный на одном длинном свитке, где бесконечно богатый художник проектирует огромный ландшафтный сад, напоминающий рай или ад; и самое дерзкое – лекция под названием «Вселенная», о которой нью-йоркские газеты объявили в начале 1848 года.

По² возлагал надежды на эти работы, желая вновь утвердиться в литературном мире. Публикуясь в основном в журналах, он получал не больше двадцати долларов за статью, независимо от ее популярности. А вот лекция с большой аудиторией, заплатившей по пятьдесят центов, могла принести ему довольно крупный доход и покрыть несколько месяцев аренды. После нью-йоркского мероприятия он собирался отправиться в турне, чтобы получить доход от продажи билетов и собрать подписки на возрожденный литературный журнал *The Stylus*, начав со своих бывших однокурсников из Университета Вирджинии и Военной академии США: «Для начала я должен собрать, по крайней мере, пятьсот постоянных читателей, почти двести у меня уже есть. Я предлагаю, однако, отправиться на юг и запад, навестить моих близких друзей, литературных товарищей и старых знакомых по колледжу и Вест-Пойнту, и посмотреть, что у меня получится».

Опубликованное название его лекции – «Эврика: эссе о материальной и духовной Вселенной». «Эврика!» – воскликнул древний философ Архимед, открыв метод проверки чистоты золота. «Эврика!» – радостно кричали золотодобытчики в Калифорнии. По был убежден, что открытия, сделанные в его эссе, обеспечат ему бессмертную славу, сделают его богатым и, открыв тайны Вселенной, спасут ему жизнь.

Его стратегия была не такой безумной, как может показаться на первый взгляд. По получил математическое и инженерное образование в Вест-Пойнте и провел последующие десятилетия, изучая новейшие достижения в области электромагнетизма, химии, естественной истории и астрономии – он, как никто другой из его современников, мог говорить о космологии. Тема происхождения и устройства Вселенной волновала великие умы того времени – Пьера-Симона Лапласа, Джона Гершеля, Александра фон Гумбольдта – и привлекала внимание американской публики. Шотландский священник и астроном Томас Дик опубликовал популярные книги по астрономии, где гармонично сочетались естественные науки и протестантская теология, а восемь томов «Бриджуотерских трактатов» пересмотрели «естественную теологию», чтобы идти в ногу с научными достижениями.

² Илл. 1

Бестселлер под названием «Следы естественной истории творения», опубликованный в Эдинбурге в 1844 году, все еще вызывал ожесточенные споры по обе стороны Атлантики. Скандально известная книга рассказывала о происхождении и развитии Солнечной системы, Солнца, Земли и человечества как о результате единого природного закона – без божественного вмешательства. Являлся ли анонимный автор радикалом, чудаком или респектабельным ученым? Никто сказать не мог. Опираясь на дурную славу «Следов», за несколько дней до того, как По должен был выступать в Библиотеке Нью-Йоркского общества в начале 1848 года, Джон Прингл Никол, профессор астрономии из Глазго – один из главных подозреваемых в написании «Следов» – выступил в Нью-Йорке с серией хорошо посещаемых лекций.

Никол сконцентрировал внимание общественности на туманностях – отдаленных, мерцающих пятнах света, которые внимательно изучались с помощью новых мощных телескопов. Согласно выдвинутой им «туманной гипотезе», наше Солнце когда-то являлось вращающимся светящимся облаком газа, а затем сконденсировалось, оставив после себя вращающиеся планеты.

Теологические последствия оказались суровыми: если гипотеза верна, значит, небеса эволюционировали до нынешнего состояния, и история Вселенной заметно отличается от той, что описана в Бытие. Если подобные процессы эволюции происходят в результате действия естественных законов, без вмешательства Творца, то, возможно, они все еще работают за пределами нашей крошечной планеты или даже здесь, на Земле, в процессе образования новых видов.

В коттедже в Фордхэме Эдгара По поддерживала его тетя и бдительная защитница Мария Клемм. «Я сидела с ним, иногда даже до четырех утра. Он писал за своим столом, а я дремала в кресле, – вспоминала она. – Когда он сочинял «Эврику», мы бродили по саду, обнявшись, пока я не уставала настолько, что не могла идти. Он останавливался каждые несколько минут, объяснял мне идеи и спрашивал, понимаю ли я. Я всегда сидела с ним, пока он писал, и приносила ему чашку горячего кофе каждый час или два». Гуляя до поздней ночи, По смотрел на немеркнущие звезды, высившиеся над сельской местностью, и думал, откуда они взялись и какие подсказки они могут содержать для тех, кто живет внизу.

По с детства любил смотреть на звезды: разглядывал их в британский телескоп с балкона особняка своего приемного отца в Ричмонде; полировал линзы, работая артиллерийским инженером в армии США; посвятил одно из самых ранних стихотворений, «Аль-Аараф», новой звезде, открытой астрономом Тихо Браге. Подобно К. Огюсту Дюпену, джентльмену-следователю, которого По представил в «Убийстве на улице Морг» – первом современном детективном рассказе, – По подозревал, что созвездия, наблюдаемые им во время ночных прогулок, содержат подсказки к ранней истории Вселенной и законам, управляющим ее жизнью и смертью.

Январь 1848 года По провел за пересмотром своей лекции, подобно ученому из «Ворона», «удивляясь, боясь, сомневаясь, мечтая о том, о чем никто из смертных не смел мечтать прежде». Он обратился в Библиотеку Нью-Йоркского общества и пригласил друзей и прессу, чтобы объявить об этом событии. Однако погода оказалась ему неподвластна. В выбранную ночь, 3 февраля, через год и четыре дня после смерти его жены, на город обрушилась буря.

Когда По вышел на трибуну, одетый с простой элегантностью в черный костюм с безупречно чистым, хотя и поношенным, воротничком и шейным платком, и положил перед собой стопку страниц, исписанных мелким ровным почерком, на присутствие отважились всего шестьдесят с лишним человек. И это была «избранная, но весьма благодарная аудитория».

Неустрасимый По разгадал тайну мироздания. «Я еще не видел ни одного портрета По, – заметил один слушатель, – который передавал бы его бледное, нежное, интеллектуальное лицо

и великолепные глаза. Его лекция – это рапсодия истинного великолепия. Он выглядел вдохновленным, и его вдохновение почти болезненно отразилось на скудной аудитории». В основе лекции По лежала новая история творения, отмеченная необычными и поэтическими симметриями: теория образования звезд, распространяющая небулярную гипотезу на Вселенную в целом.

Все, по его словам, началось с единой, унитарной частицы, которая взорвалась до пределов «Вселенной звезд» и образовала туманные облака. Затем эти облака сгустились, образовав солнца и планеты. Однако внутренней силе гравитации противостояла конкурирующая, отталкивающая сила, которую По назвал электричеством – причиной всех «феноменов жизненной силы, сознания и Мысли». На протяжении веков эти две силы боролись между собой, порождая разнообразные существа, наполнявшие Землю и другие планеты. В конце концов гравитация взяла верх, и «с электрической скоростью в миллион раз большей» вся материя устремилась к «первозданному Единству» первой сферы.

Репортер газеты *Morning Express* описал лекцию как «самую продуманную и глубокую» из всех, что он когда-либо слышал. Аудитория, которая слушала с напряженным вниманием, «встретила ее горячими аплодисментами». По считал «Эврику» кульминацией своих трудов, мечтаний и злополучной жизни. Он говорил друзьям, что книге суждено «произвести революцию в мире физической и метафизической науки».

Когда книга была опубликована, он написал свекрови: «Я не желаю жить. С тех пор, как я написал «Эврику», я больше ничего не смогу создать». Эдгар По умер на следующий же год.

Эффект По

Многие преданные поклонники Эдгара По – будь то мастера ужасов, изобретатели детективного рассказа, пионеры научной фантастики, первосвященники символистского искусства или задумчивые принцы готов – никогда не читали «Эврику», космологическую теорию, которую он выдвинул тем вечером 1848 года. Помимо своей длины, сложности формы и аргументации, «Эврика» кажется лишней среди самых известных произведений По, будь то его возмутительные рассказы об ужасе и безумии или гимны неземной красоте.

Эта книга рассказывает полную историю жизни Эдгара Аллана По, но делает это под новым углом зрения. Она ставит космологию на вершину его жизни и мысли и показывает творчество как единственное выражение бурных идей и страстей его эпохи, тесно связанное с зарождением современной науки.

Эдгар По исследовал захватывающие перспективы и коварные слепые пятна новых способов зарождения мира. Понимание его жизни и творчества требует пристального внимания к его связям с научной мыслью и открытиями, потому что этот решающий факт ярко раскрывает современную науку. Историк Томас Кун назвал первую половину девятнадцатого века «второй научной революцией». С помощью методов точных измерений и расчетов исследователи укрепляли программы семнадцатого века – первой «научной революции», отождествляемой с Бэконом, Кеплером, Декартом, Галилеем и Ньютоном, – в то время как научные области диверсифицировались и расширялись. По проливает особый свет на одержимость и противоречия науки начала девятнадцатого века, которая разворачивалась в Америке. В его работах воплощены определяющие ее противоречия: между распространением в народе и контролем элиты, между сочувствием и отстраненностью, между божественным энтузиазмом и ледяным материализмом.

По утверждал, что каждое слово и образ в стихотворении или рассказе должны способствовать достижению единого, сознательно выбранного эффекта. Его произведения вызывают ослепительное множество потрясений и восторгов – эффекты ужаса, юмора, отвращения, возвышенности. Однако за первым ударом зачастую следует и второй. Внимательный читатель может задаться вопросом: как ему это удалось? Какое сочетание слов, ожиданий и публичности позволило ему произвести такое сотрясение в индивидуальном и коллективном сознании? Далее могут последовать вопросы: были ли это приемы высокого и вдохновенного искусства или грубые уловки, созданные для того, чтобы вызвать низменные реакции? В тех случаях, когда По достигал эффекта реальности, или «правдоподобия», читатели могли спросить: является ли это правдивым изложением фактов или мистификацией, шутовством?

Эффект По – это восклицательный знак, за которым следовал знак вопросительный: поразительное, концентрированное воздействие, оставляющее читателя в недоумении из-за целой цепочки причин. Эта цепочка вела к увлекательному, но неуловимому источнику: самому По. Фантастические рассказы, детективные истории и нехудожественные произведения драматизировали акт исследования, а также борьбу, страхи, надежды и заблуждения человека, предпринимающего это исследование. Его изобретение новых эффектов и поиск скрытых причин ставят его в центр водоворота американской науки первой половины девятнадцатого века.

Чувства По и его современников подвергались бомбардировке новыми эффектами: электромагнитными сигналами, яркими световыми шоу, грохотом городских улиц, месмерическими эманациями, машинными печатными словами. Они также столкнулись с новыми методами и теориями анализа Вселенной, лечения болезней, обоснования политических решений, организации общества и формирования сознания. Сегодняшний образ науки – это лаборатории, микроскопы и белые халаты: регламентированное и единообразное занятие, которое в значительной степени финансируется правительством и признается лучшим (а для некоторых

и единственным) средством получения достоверных знаний о мире. Однако, когда По начинал свою карьеру в 1830-х годах, такой образ науки являлся в лучшем случае далекой мечтой.

Термин «ученый» появился только в 1833 году, заменив собой обобщающее понятие «натурфилософ». В Европе последствия наполеоновских войн и начавшаяся промышленная революция вызвали жестокие конфликты по поводу прав и собственности, убеждений и опыта. Научная ситуация в Соединенных Штатах была еще более хаотичной, поскольку там не существовало национальных традиций и институциональных рамок. В популярной прессе и лекционных залах самоназначенные эксперты объявляли о сомнительных наблюдениях и вычурных теориях на любую тему. Не существовало достаточно влиятельных органов – ни научных ассоциаций, ни национальных академий, ни рецензируемых журналов, – чтобы отделить достоверные утверждения от ошибок или откровенного мошенничества.

Но течение начало меняться. Во времена Эдгара По ряд активных реформаторов – чьи пути пересекались с По и чьи открытия и изобретения он изучал и пересматривал – начали переделывать науку в набор взаимосвязанных утверждений о жизни на земле. Они хотели сделать их движущей силой материальных улучшений, единым образом знаний и природы.

Как мы увидим, для правнука Бенджамина Франклина Александра Далласа Бейча и его близких союзников – физика Джозефа Генри и математика-астронома Бенджамина Пирса – развитие науки стало основополагающим фактором для построения Америки как единой нации. Они стремились к созданию хорошо организованных, поддерживаемых на федеральном уровне институтов для обучения и исследований. Они считали их важнейшей опорой государственной власти, промышленного развития и территориальной экспансии. Через конфликты той эпохи наука начинала превращаться в мощный, хотя порой и находящийся под угрозой, современный институт.

По часто присоединялся к призывам к институционализации и расширению науки. В то же время он тщательно анализировал и сатирически высмеивал ее подъем. Он давал понять, что наука приживется только в том случае, если убедить людей следовать определенному, утопическому видению, и что границы между истиной и иллюзией, разумом и иррациональностью, здравым смыслом и безумием зыбки и неустойчивы.

Временами По открыто присоединялся к проектам научных реформаторов, таких как Бейч и Генри, повторяя их призывы поставить американскую интеллектуальную жизнь на новую, более прочную основу. В другое время он высмеивал редуктивные упрощения, которые предлагала современная наука, и подтачивал легкое верие своих современников мистификациями, не уступая Ф. Т. Барнуму. В широкомасштабных философских работах, включая «Эврику», он предложил альтернативное видение науки и космоса, где главную роль играли интуиция, чувство и воображение. По писал как в согласии с формирующимся научным консенсусом, так и против него, его глубокое знакомство с наукой стало той точкой опоры, на которой балансировала его мысль.

Хотя на работы По в значительной степени опирались более поздние мыслители, включая лингвиста Романа Jakobsona, философов науки Чарльза Сандерса Пирса и Гастона Башляра, а также ученицу Фрейда Мари Бонапарт, которая продвигала психоанализ, изучая его мысли, По, конечно же, внес более значительный вклад. Каждый школьник младших классов знает его как требовательного художника атмосферы и тревоги. Он был словесным виртуозом, настроенным на звуки и глубину смысла слов, и убежденным защитником красоты изысканно нестандартного вида.

Работая в потрясающем разнообразии стилей, жанров и тонов, он создавал невероятные пейзажи, гипнотические интерьеры и убедительно тревожных персонажей, демонстрируя последующим писателям все, чем может стать рассказ: психологическим и эстетическим экспериментом, философским исследованием, диким совмещением ужаса и красоты. По говорил

от имени мучимых, проклятых, изгнанных и странных людей, даже когда он со строгой ясностью объяснял абстрактные и универсальные принципы искусства.

Через писателей, на которых он оказал глубокое влияние – среди них Бодлер, Достоевский, Верн, Лавкрафт, Конан Дойл, Набоков, Хайсмит и Борхес, – По сформировал курс современной литературы. Сегодня он является одним из самых читаемых авторов художественной литературы на любом языке. Благодаря неистовому, гротескному соседству его произведений, По также можно назвать самым американским автором. Наблюдая за национальным экспериментом с позиций как крайних привилегий, так и крайних лишений, По стал сейсмографом, регистрирующим неустойчивость места и времени. Его произведения, написанные во время погружения в своеобразную культурную активность нескольких крупных городов – Ричмонда, Балтимора, Филадельфии, Нью-Йорка, – высвечивают насилие, тревогу, лихорадочный идеализм и ужас, неотделимые от формирования Соединенных Штатов.

Несмотря на мифы и клише о нем, По нельзя назвать болезненным, меланхоличным мечтателем, склонным при малейшем предчувствии погружаться в сотрясающую землю альтернативную реальность; нет, он – нечто более великое. По пережил огромное несчастье, большую часть которого навлек на себя сам. Но, как следует из его биографии, он встретил жизнь с достоинством, добротой, чувством долга и юмором. Будучи одним из первых американцев, зарабатывавших на жизнь только литературой, он заставлял себя идти на беспрецедентные шаги, чтобы завоевать читателей и славу.

И все же он стремился к большему. Постоянно устремляя взгляд в небо, Эдгар По оставался аналитиком, философом, детективом, стремящимся разгадать код Вселенной. Исключительно зоркими глазами По следил за ослепительным следом странной и противоречивой нации, породившей его, и за возвышенной, пугающей современностью.

Часть 1

От Аллана до По

*Сумрак неизмеримый
Гордости неукротимой,
Тайна, да сон, да бред:
Это – жизнь моих ранних лет.³*

Глава 1

Юный астроном

Влажным, жарким летом 1825 года любой человек, проходящий мимо особняка на углу Пятой и Мэйн-стрит, мог поднять голову и увидеть на балконе стройного молодого человека, настраивавшего телескопа. Дом располагался на склоне Шоко-Хилл, ведущему к реке Джеймс, которая открывала городу Ричмонд выход к морю. Вглядываясь в инструмент из стекла, дерева и латуни, юноша чередовал осторожные движения с терпеливой неподвижностью. Днем он следил за лодками, приплывающими и отплывающими во время прилива, ночью – за звездами.

Шестнадцатилетнего астронома звали Эдгар Аллан – иногда Эдди, иногда Эдгар По. Он знал созвездия как карты, легенды и вычисляемые движения. Он обладал карими глазами, утонченными чертами лица и гибким умом, некоторые сравнивали его живую, горделивую осанку с птичьей. В академии Ричмонда, школе для молодых джентльменов, которую он посещал с 1821 года, он преуспел в языках, риторике, а также в «астрономии, конических сечениях, алгебре, флюксиях, механике», которые предлагал учебный план.

Эдгар был сиротой, единственным ребенком в приемной семье. Он и его друзья бегали по лесу, испытывая друг друга в боксерских поединках, розыгрышах и дерзостях. Однажды Эдгар проплыл шесть миль по широчайшему простору Джеймса, и этот подвиг он сравнил с греблей лорда Байрона через Геллеспонт. Он, к слову, очень уважал Байрона. Сердце поэта, писал Эдгар, было «хаосом глубокой страсти», которую тот изливал в музыкальных, задумчивых стихах. По терялся в романах, приключенческих рассказах, исторических книгах и журналах, продававшихся в магазине его приемного отца, Джона Аллана.

По внешности и характеру Аллан имел мало общего с Эдгаром. Крупный и грузный, он являлся человеком, озабоченным положением в обществе и удовлетворением своих желаний. Аллан торговал табаком из Вирджинии, который выращивали на плантациях к западу и югу. На землях, захваченных у коренных американцев, африканские рабы собирали листья, связывали их в пучки, грузили на телеги и отправляли в Ричмонд, где его продавали и упаковывали для отправки в северные штаты и Англию. Аллан следил за временем доставки и прибытия, погодой, ценами и расходами.

Особняк, названный Молдавией, располагался в нескольких шагах от ричмондских рынков табака и хлопка. Тем временем рабов покупали и продавали всего через несколько улиц отсюда. Купив особняк в июне 1825 года, Джон Аллан обеспечил себе место среди элиты Ричмонда и самопровозглашенной южной аристократии. Белые колонны и купола самых больших зданий города напоминали об имперских строениях Греции и Рима. Трехэтажное здание с портиком, украшенным колоннами, демонстрировало рост Аллана от испытывающего трудности предпринимателя до владельца плантации и олигарха. Телескоп Эдгара, как и его порт-

³ Перевод В. Брюсова

реты, роскошные драпировки и богатая мебель, заявляли о богатстве и вкусе. Он также интересовался миром фактов, что был так дорог Аллану – навигацией и картографией, имеющими решающее значение для трансатлантической торговли.

Десятилетиями ранее Аллан приплыл в Ричмонд из Шотландии, присоединившись к своему дяде Уильяму Галту, успешному торговцу. Вместе с партнером, Чарльзом Эллисом, Аллан начал импортировать товары для дома, ткани и журналы для состоятельных клиентов. Женился он на Фрэнсис Килинг Валентайн, дочери плантатора. В годы после войны 1812 года бизнес Аллана и Эллиса пошатнулся, однако после смерти дяди в марте 1825 года Аллан стал одним из богатейших людей Вирджинии. Он унаследовал три больших поместья «с принадлежащими к ним рабами, акциями и имуществом всех видов», а также кафедру Галта в Епископальной монументальной церкви Ричмонда.

Джон и Фрэнсис Аллан взяли двухлетнего Эдгара По в 1811 году, когда его мать, знаменитая актриса и «одна из самых красивых женщин Америки», умерла в Ричмонде. Во многих отношениях они относились к нему как к сыну и будущему члену правящего класса Вирджинии, дав ему надежду на получение собственного наследства. Однако Аллан отказался усыновить мальчика. Детство Эдгара превратилось в неустанный испытание в попытке заслужить любовь и признание приемного отца.

К лету 1825 года, когда По исполнилось шестнадцать лет, напряженность в отношениях между суровым патриархом и его подопечным возросла. Фрэнсис Аллан всегда заботилась об Эдгаре, и он отвечал ей взаимностью. Однако, к досаде Джона Аллана, Эдгар не проявлял склонности к деловой жизни – самое раннее стихотворение, написанное рукой По, появилось на листке бумаги, где Аллан рассчитывал сложные проценты по кредиту.

Аллан стал равнодушен к нежной и требовательной жене. По отношению к Эдгару он проявлял снисхождение, пренебрежение и гнев. Он был суровым воспитателем, порол мальчика за детские проступки. Временами он щедро одаривал его деньгами и подарками, но мог быть и необъяснимо скупым. Прежде всего, он никогда не позволял Эдгару забыть, что тот не являлся ни кровным родственником, ни законным приемным сыном, и не имел права на какие-либо ожидания. Постепенно начали разгораться и новые споры о неверности Аллана и о родной матери Эдгара.

С помощью телескопа Эдгар мог очень далеко путешествовать⁴. Когда он садился перед объективом, размытый туман превращался в поглощающую темноту, разбитую точечными вспышками света, открывая точное, жутковатое видение неизведанных мест. Он также уходил в поэзию, замышляя небесную драму в строках «Вечерней звезды»:

*Был полдень в шоне
И полночь в ночи;
С орбит своих звезды
Бледно лили лучи
Сквозь холодные светлы
Царицы Луны.
Она была – в небе,
Блеск на гребнях волны.⁵*

По льстит луне, владычице ночи. Но после того, как он взглянул на ее «слишком холодную улыбку», он обращается к Венере, вечерней звезде. Его очаровывает «гордая роль», которую она играет на ночном небе:

⁴ Илл. 2

⁵ Перевод В. Брюсова

*Ее диск туманный,
Как саван обманный,
Проплыл, – и обернулся я
К Звезде Вечерней...
О, как размерней
Ласкает красота твоя!
Мечте так милы,
Полные силы,
Сверканья твои с вышины.
Пью, умиленный,
Твой огонь удаленный,
А не бледные блики Луны.⁶*

Хотя царственная луна привлекает внимание всего мира, поэт стремится к более редкому, более отдаленному удовольствию.

Эти точные, потусторонние строки, написанные в подростковом возрасте, предвосхищают более позднюю поэзию По. Они также повторяют мир его тревожного детства: столичный город на воде, коммерческий центр противоречивых ценностей, в котором играли свою роль классические идеалы, увлечение современной наукой, насильственное подчинение, а также тоска, контрасты и страсти романтической поэзии.

Сын сцены

По родился 19 января 1809 года в Бостоне. Его мать, Элиза Арнольд, приехала из Англии в 1796 году в возрасте девяти лет. Она выросла на сцене, очаровывая зрителей ролями от поющей служанки до Офелии, которую хвалили за красоту и живость. В ранней Америке актерская профессия считалась сомнительной с точки зрения морали; в Бостоне спектакли были запрещены вплоть до 1795 года. Во время гастролей Элиза привлекла внимание Дэвида По, сына уважаемой семьи из Балтимора. Его отец, прозванный «генералом По», служил квартирмейстером Лафайета во время революционной войны. Они поженились и вместе гастролировали, несмотря на его пьянство и бездарность на сцене.

Их первый сын Генри родился в 1807 году, за ним последовал Эдгар. Элиза По родила третьего ребенка, Розали, хотя к моменту ее рождения – а возможно, и задолго до этого – Дэвид оставил семью. Театральные представления миссис По в 1811 году в Вирджинии были очень хорошо приняты. Однако в Ричмонде, где она сыграла Джульетту и другие знаменитые роли, она заболела чахоткой.

Красивая, умирающая актриса в окружении своих маленьких детей, младшую из которых она еще кормила грудью, – это очень печальное зрелище. По словам местного торговца, дамы выражали ей свое почтение: «Сейчас преобладает необычная мода – благотворительность. Миссис По, великолепная женщина, очень больна и, после ссоры и расставания с мужем, живет в нищете. Сейчас для нее самое модное место отдыха – это палата». Газета *Richmond Enquirer* отметила: «Миссис По, лежащая на одре болезни и окруженная детьми, просит вашей помощи, и просит ее, возможно, в последний раз».

Элиза умерла 8 декабря. Безрассудный Дэвид По умер в Норфолке всего несколько дней спустя. Генри приютили родственники в Балтиморе, малышку Розали удочерили Уильям и

⁶ Перевод В. Брюсова

Джейн Маккензи, близкие друзья Алланов. По настоянию жены Джон Аллан привез Эдгара домой.

Далее последовала еще одна трагедия: 26 декабря во время представления «Истекающей кровью монахини» в том же театре, где выступала Элиза По, произошел пожар. Погибло семьдесят два человека. Городской совет заказал мемориал. По указанию председателя Верховного суда Джона Маршалла и по проекту ученика Джефферсона на Брод-стрит построили неоклассическую восьмиугольную Епископальную монументальную церковь, а Уильям Галт – дядя Аллана – и несколько сенаторов, конгрессменов и губернаторов купили кафедру. Так рассказы о пожаре и о смерти матери объединились в памяти По.

Ричмонд являлся политическим центром и оказывал влияние на национальное правительство. Владельцы плантаций зависели от торговцев, многие из которых были шотландскими иммигрантами, такими же, как Аллан и его дядя Уильям Галт. Их расчетливая логика и скупость контрастировали с щедростью плантаторов и давно сложившимися кровными узами. Кроме того, семейные связи Фрэнсис и богатство Галта обеспечивали Алланам положение в обществе. Каждое лето семья уезжала из влажного, жаркого Ричмонда в Уайт-Салфер-Спрингс. Там Эдгар «очаровывал всех своей детской грацией» и «откровенным, ласковым и щедрым» нравом. Он был «прелестным малым, с темными кудрями и яркими глазами, одетый как молодой принц».

Общество Вирджинии гордилось традициями чести и иерархии. Они были прописаны в ритуалах балов и дуэлей, навеянных мечтательной актуальностью героических воинских саг Вальтера Скотта «Айвенго» и «Уэверли». Рабовладельческое дворянство Вирджинии посылало своих сыновей представлять свои интересы в Конгрессе, судах и Белом доме. Они ценили хладнокровие и браваду, превозносили женскую чистоту и деликатность и с тревогой следили за расовыми границами. Такие идеалы подрывались сексуальными вольностями, которые мужчины-рабовладельцы допускали по отношению к порабощенным женщинам (постоянная тема сенсационной и аболиционистской литературы).

По перемещался между гостиной, где Алланы принимали друзей и родственников, и комнатами для прислуги. В Ричмонде более трети населения находилось в рабстве. Расы смешивались бесчисленными способами, и большая часть раннего детства По прошла под присмотром чернокожих слуг, включая управляющего домом Алланов, Дэбни Дэндриджа. Воспитатели часто рассказывали ему истории, и в этих африканских сказках – которые передавались из поколения в поколение, изменялись и переосмысливались в ходе «Среднего пути» – очень часто изображались души, одержимые колдовством и опасными наваждениями, ожившие мертвые тела, злобные духи, терзающие живых. Поздние рассказы и стихи По о привидениях, могилах и зомбиподобных существах станут отражением африканских и креольских сюжетов.

Некоторые критики считают необычным принятие По готической литературы – европейской традиции, связанной с замками с привидениями и проклятыми аристократами, популяризированной эдинбургским журналом *Blackwood's Magazine* и фантастическими рассказами немецкого писателя Э. Т. А. Гофмана. Однако в предисловии к своему первому сборнику рассказов По утверждал, что «ужас – это ужас не Германии, а души». Если говорить более конкретно, то в аристократической атмосфере вирджинского общества и повседневном ужасе рабства По нашел непосредственное вдохновение для создания атмосферы болезненного декаданса в «Падении дома Ашеров» и «Маске красной смерти», сентиментального насилия в «Черном коте» и пыточных приспособлений в «Колодце и маятнике». Центральное место рабства в вирджинском обществе наложило отпечаток на поздние произведения По так же четко, как и на его детство. Возможность восстания была постоянной, а за слухами о восстании следовали безжалостные репрессии.

Будучи подопечным Аллана, По погрузился в привилегии, неразрывно связанные с плантациями. Тем не менее его дважды отстраняли от полноправного членства. Аллан принадлежал к растущему меркантильному классу, недавно появившемуся среди устоявшегося дворянства. Эдгару постоянно напоминали, что он сирота и сын актеров, а происхождение в те времена имело первостепенное значение. Трагедия смерти его родителей, особенно матери, о которой он лелеял смутные, возможно, даже воображаемые воспоминания, также нависла над его детством. Вот так сложились идеальные условия для воспитания мрачного, нервного, чрезвычайно наблюдательного ребенка.

Экспериментальная республика

Белая элита Ричмонда⁷ приветствовала демонстрацию богатства, образованности и эстетической чувствительности. Они также принимали скромный рационализм, провозглашенный в Декларации независимости и Конституции. Здравый смысл – сочетание наблюдательности и обычного расчета – мог раскрыть как глубинные законы природы, так и движущие силы политики. Будучи губернатором Вирджинии во время революции, государственным секретарем Вашингтона и третьим президентом страны, Томас Джефферсон оказывал сильное влияние на общество. Наряду с Бенджамином Франклином он считался одним из самых известных представителей науки в ранней республике.

В колониях наукой занимались в основном джентльмены-энтузиасты. Джефферсон и его друзья-плантаторы обсуждали исторические и естественные вопросы в Ричмонде и отправляли своих сыновей в колледж Вильгельма и Марии для получения классического образования. На Севере ценилось механическое искусство, но науки, за исключением медицины, являлись скорее развлечением, чем профессией: пока ученые в Лондоне и Париже поднимали тосты за «Опыты и наблюдения над электричеством» Франклина, опубликованные в 1751 году, тот зарабатывал на жизнь в Филадельфии, работая печатником. В свободное время, еще до выхода на пенсию в 1747 году, он проводил исследования с молний и лейденскими банками, разрабатывая принципы сохранения электрической силы.

Те немногие имеющиеся научные учреждения финансировались городами и штатами. В колониальных колледжах преобладали древние языки, история и теология, от профессоров ожидали, что они будут преподавать, а не собирать, классифицировать или экспериментировать. Более того, средств на приборы и другое оборудование не хватало. Только медицина предоставляла некоторые научные возможности – многие, кто занимался ботаникой, естественной историей, химией и физикой, в итоге стали врачами. Большая часть обсуждений натурфилософии проходила в неформальных, локально организованных ассоциациях. В 1743 году Франклин основал Американское философское общество (АФО) в Филадельфии, а Джон Адамс – Американскую академию искусств и наук в 1780 году в Кембридже, штат Массачусетс. Несмотря на прославленных участников, они существовали без государственной поддержки, выживая за счет членских взносов и субсидий штатов.

В такой клубной обстановке обменивались астрономическими наблюдениями, естественно-историческими диковинками и новыми методами ведения сельского хозяйства. В АФО Уильям Бартрам обсуждал растения, деревья и лишайники, Дэвид Риттенхаус демонстрировал телескопы, часы и механические модели Солнечной системы. Хотя ученые революционной эпохи лелеяли строгие пропорции ньютоновской теории, большая часть их знаний дошла до людей через выставки, диковинные предметы и сенсорные дисплеи, порой открытые для широкой аудитории, включая женщин и детей. Что касается электричества, соратники

⁷ Илл. 3

Франклина буквально шокировали зрителей, телесно приобщая их к ощущениям просвещенного естествознания.

Революция заключалась в применении рациональных законов к обществу. Этот «смелый, возвышенный эксперимент» стал для Франклина «славной задачей, поставленной перед нами Провидением». В «Правах человека» Томас Пейн утверждал, что Революция «представила в политике то, что в механике являлось лишь теорией». Джефферсон владел портретами Бэкона, Ньютона и Локка, «троицы величайших людей». Мэдисон и Адамс ссылались на ньютоновские законы в своих аргументах в пользу баланса властей в Конституции. Однако попытки представить раннюю республику как приложение науки оставались в основном риторическими, основатели не предусмотрели никакой национальной поддержки исследований, сохранив науку как преимущественно местное дело.

В «Записках о штате Вирджиния» Джефферсон писал как метеоролог, геодезист и натуралист: он был увлечен материалистической философией, поместив пять изданий «О природе вещей» Лукреция рядом с космологическими поэмами Эразма Дарвина «Храм природы» и «Ботанический сад». Особое внимание он уделял уходу за растениями. «Ботанику я причисляю к самым ценным наукам, – говорил он, – поскольку она вносит вклад в средства к существованию, украшения, парфюм и лекарства, а для деревенской семьи она составляет большую часть общественного удовольствия». Будучи президентом, он организовал покупку территории Луизианы у Франции в 1803 году и отправил Мериуэзера Льюиса и Уильяма Кларка исследовать континент до побережья Тихого океана, будучи убежденным в дальнейшем распространении поселения. Льюис и Кларк получили краткий курс картографии и естественной истории, включая инструкции по поиску свидетельств существования крупных животных, вымерших или живых, чтобы доказать, вопреки французскому натуралисту Бюффону, что природа Америки была обширной и динамичной, а не «сморщенной и уменьшенной».

«Записки» Джефферсона печально известны тем, что провозглашают природные различия между расами и представляют африканцев неполноценными по сравнению с европейцами. Бенджамин Баннекер, чернокожий астроном и геодезист, который помог построить округ Колумбия, призвал Джефферсона и других «отучить себя от этих узких предрассудков». Хотя Джефферсон осуждал рабство как «отвратительное пятно», его действия оставались неторопливыми: вместо отмены рабства он предпочитал схемы «колонизации» для переселения чернокожих в Африку.

Понимание ботаники, интерес к использованию науки с целью завоевания континента и нежелание распространять «всеобщие» права на тех, кто не входил в круг мужчин европейского происхождения, сделали Джефферсона довольно типичным примером раннего американского ученого. Строго говоря, энтузиасты не считались «любителями», поскольку «профессионалов» почти не было и сравнивать знания было не с кем. Джефферсон связывал науку с местными практическими проблемами (он спроектировал купол и колонны своего дома в Монтиселло, заполнив его книгами и механическими изобретениями), завоеванием западных земель и коренных народов, а также с международными сетями. Он часто переписывался с европейскими экспертами, хотя утверждал, что предпочитает один вечер с Дэвидом Риттенхаусом, чем неделю вечеринок в Париже.

Джеймс Мэдисон сменил Джефферсона на посту президента в 1809 году, в год рождения По. Двумя годами ранее британский военный корабль обстрелял американский фрегат у берегов Вирджинии и захватил четырех моряков. Пока Британия вела затяжную войну с Наполеоном, ее флот захватил более десяти тысяч американских моряков и призвал их на службу.

Подстрекаемый «ястребами» в Конгрессе – включая Эндрю Джексона, обиженного на плохое обращение с семьей со стороны британских солдат во время революции, – Мэдисон нагнетал напряженность в отношениях с Англией. Желая отвлечь внимание от внутренних разногласий, в 1812 году он объявил войну Великобритании, призвав сто тысяч добровольцев.

Джон Аллан и его товарищи из местного ополчения, «Ричмондские стрелки», тоже записались в их ряды. Город война непосредственно не затронула, хотя купцы с тревогой наблюдали за накоплением табака и муки, поскольку на английскую торговлю было наложено эмбарго, и все морские перевозки находились под угрозой.

Война 1812 года, «вторая война за независимость», закончилась тупиком. Мирный договор был заключен в Генте в 1814 году делегацией в составе Джона Куинси Адамса, Альберта Галлатина и Генри Клея. Страна вышла из войны с укрепленным чувством национальной идентичности, поддержкой армии и значительным увеличением военно-морского флота. Война также способствовала политической карьере Эндрю Джексона, победителя в битве при Новом Орлеане.

После снятия эмбарго Джону Аллану предстояло разгрузить свои табачные склады, поэтому он начал искать новых покупателей в Шотландии и Англии. В июне 1815 года он и Фрэнсис, а также Эдгар и сестра Фрэнсис, собрали вещи первой необходимости и продали с аукциона остальное имущество и одного раба, Сципио.

Они отплыли из Норфолка в Нью-Йорк и далее в Ливерпуль. Завершив плавание через Атлантику, Аллан отправил письмо своему деловому партнеру Эллису: «Эдгар говорит: «Пап, скажи мне что-нибудь, чтобы я не боялся плыть»». Штормы и бушующие волны во время переправы разжигали воображение шестилетнего Эдгара. Как, впрочем, и Лондон, нервный центр растущей империи.

Лондонские годы

Пять лет По провел в Великобритании – с шести до одиннадцати лет. Сначала семья отправилась в Шотландию, посетив Ирвин, Килмарнок и Гринок, родной город Аллана. Там Эдгар нашел драматические пейзажи – обрывистые скалы, холмы и лесистые местности, небо в стиле «кьяроскуро», – прославленные Вальтером Скоттом в его романах того времени. Они проехали через Эдинбург, шумный современный город, центр научных экспериментов, здоровой философии и издательского дела.

Но городом, который неизгладимо запечатлелся в памяти По (именно там Джон Аллан купил телескоп, который По будет использовать в Ричмонде), стал Лондон. Аллан писал домой: «Сию у весело горящего камелька в уютной маленькой гостиной в доме 47 на Рассел-сквер⁸, в то время как Фрэнсис и Нэнси заняты шитьем, а Эдгар читает книжку». Мать одного из его школьных друзей написала: «Я думаю, что Эдгар не знает, чем занять себя в столь крупном городе».

Освещенные газовыми лампами лондонские улицы представляли собой удивительную новинку, однако наполеоновские войны не могли не наложить свой отпечаток. Аллан писал своему другу: «Налоги высокие, долги большие, люди недовольны и в отчаянии... Экипаж принца забросали камнями». Во время их пребывания в Манчестере конные войска разогнали мирную демонстрацию рабочих, устроив бойню в Петерлоо в 1819 году. Рабочие все сильнее отчаивались, а правительство все чаще прибегало к насилию, чтобы их сдержать.

Утомленная путешествиями, Фрэнсис Аллан страдала от ухудшения здоровья. Пока ее муж ездил в Манчестер, Шотландию и Ливерпуль, ее отправили в курортный город Долиш и на остров Уайт. Хотя в своих письмах Джон Аллан часто ссылался на «Бога небес», он оставался человеком мира, поклонником «естественных красот». Фрэнсис писала ему с негодованием: «Надеюсь, что мое здоровье позволит мне принять участие в здешних развлечениях, и я скоро дам тебе знать, что могу быть так же счастлива и довольна без тебя, как ты, кажется, бываешь

⁸ Илл. 4

в мое отсутствие, поскольку я не слышу ничего, кроме разговоров о вечеринках, как дома, так и за границей».

Несмотря на политическое недомогание, Эдгар присутствовал при замечательном моменте в истории Великобритании. Искусство и наука находились в расцвете. Пресса следила за каждым шагом лорда Байрона, самой заметной и скандальной фигуры романтического движения. Исследователи, садоводы, анатомы и геологи собирали и классифицировали живых существ и камни, а химики проверяли фундаментальные строительные блоки природы. В лондонском Королевском институте Хамфри Дэви и Майкл Фарадей демонстрировали возможности химии, электричества и магнетизма. Лондон стал городом в авангарде современности, уверенным в своих искусствах и науках, в своем производственном мастерстве, в своем флоте и военных победах.

Аллан записал Эдгара в ближайшую школу, а затем отправил его в школу Мэнор-Хаус, расположенную в пяти милях к северу, в Сток-Ньюингтоне, деревне, где когда-то жили радикалы, включая Ричарда Прайса, Мэри Уолстонкрафт и ее дочь от Уильяма Годвина – Мэри Шелли. Директор школы, преподобный Джон Брэнсби, охотно, но строго преподавал языки, математику и геометрию. Аллану выставляли счета за «Кембриджскую математику», учебник грамматики и «Оратора» Цицерона. К окончанию школы По «мог говорить на французском языке, толковать любого несложного латинского автора и был гораздо лучше знаком с историей и литературой, чем многие мальчики более зрелого возраста».

Спустя годы По поведает об академии Брэнсби в своем рассказе «Уильям Уилсон», где главный герой живет безрассудной жизнью, преследуемый соперником и двойником, разделяющим имя и дату его рождения. Два Уильяма Уилсона впервые встречаются в школе, двойнике школы Брэнсби, «дворце очарования» с коридорами-лабиринтами: «Наши самые точные представления об особняке не сильно отличались от тех, с которыми мы размышляли о бесконечности». Школьный класс переполнен партами и скамьями, «черными, древними и потрепанными временем, заваленными такими же потрепанными книгами». Над всем этим возвышаются «часы огромных размеров».

Брэнсби вспоминал Эдгара Аллана как «шустрого и умного мальчика», который мог бы превзойти себя, «если бы не был испорчен непомерным количеством денег, которые позволяли ему ввязываться во всякие шалости». И все же Джон Аллан писал домой с отеческим удовлетворением: «Эдгар – прекрасный мальчик, и у меня нет причин жаловаться на его успехи».

Однако, пока они находились в Лондоне, британское отделение табачной торговой фирмы Аллана потерпело крах. Семья собрала вещи и вернулась в Ричмонд. Воспоминания о пребывании в Британии – монархическом зеркале американской республики – стали для будущего поэта и писателя прочной основой.

Олд-Доминион

Когда корабль «Марта» причалил в Нью-Йорке в июле 1820 года, Фрэнсис испытывала настолько сильное недомогание, что Аллан вызвал врача. Они вернулись через Норфолк на пароходе, который был введен в эксплуатацию вскоре после их отъезда, а первое трансатлантическое путешествие на паровой тяге состоялось за год до возвращения.

Тем временем фирма Аллана погрязла в долгах. Эдгар поступил в Академию Кларка, и отныне черты его личности становились все более заметными. Директор, Джозеф Кларк, отметил его «самоуважение, отсутствие надменности, строгую справедливость и корректность в поведении с товарищами, что сделало его любимцем», хотя «в разногласиях с сокурсниками он слишком упорствовал и не уступал». Эдгар также проявлял «способности к воображению» в «юношеских сочинениях, адресованных его молодым подругам». У него было «чувствительное и нежное сердце, и он всеми силами пытался угодить». Томас Эллис – сын делового парт-

нера Аллана – называл Эдгара «лидером среди юношей». Безграничное восхищение, которое он вызывал, вынудило Эллиса «совершить множество запрещенных поступков». Помимо того, что Эдгар научил его плавать, кататься на коньках и стрелять, однажды он долго не выпускал его из дома после наступления темноты, стреляя по птицам, принадлежавшим другому землевладельцу, за что оба получили порку.

Происхождение По тоже оставило отпечаток. Он впитывал любую информацию, полученную от своего брата Генри, который жил у родственников в Балтиморе и строил планы на кругосветное путешествие по морю. Его младшая сестра Розали, за которой по-прежнему следили Маккензи, повзрослела физически, но не умственно, и замуж она так и не вышла. Один из одноклассников, отмечая «аристократические» взгляды По, сказал: «Об Эдгаре По известно, что его родители были актерами, и что он зависел от щедрот, которые полагаются приемному сыну». Эта репутация придавала ему «свирепость, которой он иначе не имел бы».

Хотя Эдгара По и поощряли считать себя членом аристократии, ему постоянно напоминали об отсутствии прав на наследство. Будучи неусыновленным подопечным Джона Аллана, он на всю жизнь приобрел чувство обиды за ожидаемую, но отвергнутую привязанность. Его чувство высокого положения соседствовало с осознанием полного отсутствия безопасности. Он вырос конкурентоспособным, даже агрессивным, убежденным в собственной исключительности, что казалось ему и удачей, и проклятием.

К 1825 году, глядя на звезды с крыльца Молдавии, он все еще был угрюмым подростком – ссорился с приемным отцом, стремился уехать учиться в университет и мечтал отправиться в плавание.

Глава 2

Эксперимент Джефферсона

Летом, в год своего шестнадцатилетия, Эдгар бродил по конторе Аллана, выполняя работу клерка и посыльного. Аллан писал брату По: «Он ничего не делает и кажется совершенно несчастным. Со всей семьей он довольно груб. Я даже не представляю, чем мы могли вызвать подобное поведение». Аллан считал, что Эдгар вел себя неблагодарно, несмотря на то, что ему обеспечили гораздо лучшее образование, чем когда-либо было у самого Аллана. Друзья По в Ричмонде, по мнению Аллана, привели его к «образу мыслей и жизни, совершенно противоположному тому, что он вел в Англии».

Одним из поводов для разногласий послужил выпад Аллана против матери По: мол, Розали – потомок любовной связи. Обвинение (хотя, возможно, и правдивое) привело Эдгара в ярость. Все кругом знали, что Аллан оплачивал обучение незаконнорожденного сына. В конце концов, он станет внебрачным отцом близнецов. Морализаторство Аллана – обидный и лицемерный жест, а слова об измене – оскорбление приемной матери По, Фрэнсис.

Тем летом По ненадолго воссоединился со своим братом Генри. Тот проезжал через Ричмонд, чтобы сесть на корабль, направлявшийся в Южную Америку, а затем в Грецию и Россию. Эдгар позже приукрасит свою биографию приключениями брата.

Британские журналы питали юношеские навязчивые идеи По: история, путешествия, наука, литературные знаменитости, поэзия. Он оставался в курсе европейских событий благодаря изданиям, которые Аллан держал в своем магазине, включая *The Spectator*, *The Edinburgh Review* и, что самое впечатляющее, *Blackwood's Magazine* – эдинбургский журнал, полный пикантных «сенсационных рассказов», литературных сплетен, научных открытий и философских дебатов. На его страницах Кольридж, Карлайл, Де Квинси и другие эссеисты знакомили читателей с немецкими идеалистами – Кантом, Фихте, Шеллингом и братьями Шлегель – и романтической поэзией.

Поэзия – какая прекрасная идея! Погрузиться в мир, такой же яркий и реальный, как этот, найти образы и звуки, чтобы привести других в совершенное, интимное пространство и вернуть обратно преображенными. Во время прогулок по сельской местности Ричмонда По нашел уединенное место, «прекрасное своим одиночеством»: «дикое озеро с черными скалами». Оно внушало ему особенный по своей природе ужас:

*Я часто на рассвете дней
Любил, скрываясь от людей,
В глухой забраться уголок,
Где был блаженно одинок
У озера, средь черных скал,
Где сосен строй кругом стоял.*

*Но лишь стелила полог свой
Ночь надо мной и над землей
И ветер веял меж деревьев,
Шепча таинственный напев,
Как в темной сонной тишине,
Рождался странный страх во мне;
И этот страх мне сладок был —
То чувство я б не объяснил
Ни за сокровища морей,*

*Ни за любовь, что всех сильней, —
Будь даже та любовь твоей.
Таилась смерть в глухой волне,
Ждала могила в глубине
Того, кто здесь, томим тоской,
Мечтал найти душе покой
И мог бы, одинок и нем,
У мрачных вод обрести Эдем.⁹*

Он представлял водоем как «могилу» – для себя или для любого существа, достаточно странного, чтобы чувствовать успокоение при виде жуткого пейзажа. В неовозделанном лесу за фасадами Ричмонда и в эмпатическом сне поэзии он обнаружил смесь удовольствия и ужаса, где смерть обещала утешение и надежду.

Хотя По следовал примеру Байрона, изображая изможденного миром изгнанника, его уныние имело реальные причины. Позже он написал сонет «К Елене» в память о Джейн Стит Стэнард, матери друга, которую он навещал, когда «был несчастлив дома (что случалось часто)». Она сошла с ума и умерла в 1824 году, присоединившись к растущей череде прекрасных покойных женщин в жизни По. Его любовь переключилась на Сару Эльмиру Ройстер, пятнадцатилетнюю девушку с темными кудрями, которая жила через дорогу от Алланов. Летом 1825 года они тайно обручились.

Смерть Галта, дяди Аллана, в начале того же года еще больше омрачила положение Эдгара. Болезненная Фрэнсис мало что могла сделать для защиты Эдгара от гневных вспышек Аллана, усиливавшихся после приступов пьянства. Как позже писала Сара Эльмира Ройстер, По «был приятным, но довольно печальным молодым человеком... Он был предан первой миссис Аллан, а она – ему».

По возлагал свои надежды на грядущие перемены. В начале 1826 года он собирался начать учебу в Шарлотсвилле, где только что открылся новый университет Томаса Джефферсона. Если Аллан признает его сыном, он сможет продолжить эрудированную жизнь, а если нет, тогда он последует за братом в море и погрузится в жизнь, полную приключений.

Лафайет, Гумбольдт и небесные маяки

В 1824 году в Соединенные Штаты вернулся маркиз де Лафайет, француз, сражавшийся во время Американской революции. Теперь он совершал турне по стране. Старого солдата и государственного деятеля приветствовали в столице Вирджинии юные стрелки Ричмонда во главе с лейтенантом Эдгаром Алланом По, который представил войска и обменялся словами о своем деде, старом квартирмейстере Лафайета в Балтиморе, могилу которого, как выяснилось, генерал только что посетил.

Поездка Лафайета по Соединенным Штатам почти через полвека после 1776 года ознаменовала момент национального оптимизма. В десятилетие после войны 1812 года вражда между демократическо-республиканской партией Джефферсона и городской, централизованной федералистской партией, которую первоначально возглавлял Александр Гамильтон, ослабла. Война убедила президента Мэдисона, союзника Джефферсона, в необходимости более сильной национальной координации в области финансов и производства: после заключения мира он утвердил спонсируемый федералистами Второй национальный банк и защитный тариф. Джеймс Монро (президент с 1817 по 1825 год) не имел соперника на выборах 1820 года. Политический антагонизм возродился в ходе напряженных выборов 1824 года, на

⁹ Перевод Г. Бена

которых Джон Куинси Адамс с большим трудом обошел Эндрю Джексона, выиграв Коллегию выборщиков, но проиграв народное голосование.

Лафайета потрясли «огромные улучшения, восхитительные коммуникации и невероятные творения» новой республики. Во время инаугурации Джон Куинси Адамс объявил о планах по дальнейшему совершенствованию страны. Он обещал огромные инвестиции в коммуникации – дороги, каналы, железные дороги и научные ресурсы, основанные на «Американской системе» Генри Клея о внутренних улучшениях. Адамс предложил создать сеть астрономических обсерваторий, чтобы следить за «небесными явлениями». Европа обладала «ста тридцатью небесными маяками», в то время как американцы узнавали о «новом астрономическом открытии лишь из вторых рук». Адамс, бывший профессор риторики, сокрушался по поводу того, что американцы лишены маяков (обсерваторий и наблюдателей), хотя «Земля вращается в вечной темноте для наших непросвещенных глаз».

Противники Адамса высмеяли фразу о «небесных маяках». Джексон победил на всенародном голосовании, но проиграл выборщикам, и его последователи изводили Адамса, препятствуя его планам по улучшению страны. В частности, джексоныанцы отвергали научные учреждения как аристократическую роскошь. Однако планы Адамса по организации национальной науки направили в нужное русло широко распространенную жажду знаний.

После 1812 года публичные лекции и экспериментальные постановки оказались на подъеме. Лекторы ездили из города в город, рассказывая о том, как интересно собирать и классифицировать растения, камни и окаменелости, наблюдать за птицами и другими животными, обитающими в Америке, изучать процессы образования почв. Некоторые привозили машины с грузами на шкивах для демонстрации законов Ньютона. Другие приносили стеклянные диски для создания статического электричества, чтобы шокировать аудиторию. Третьи проводили химические эксперименты, производящие дурные и ароматные запахи, искры и взрывы. Кто-то использовал оптические приборы, например, цветные слайды, проецируемые свечой или масляной лампой. Некоторые демонстрировали изобретения, включая автоматы, сложные музыкальные шкапулки и калейдоскоп, изобретенный в 1816 году эдинбургским оптиком Дэвидом Брюстером, который представлял взору фантастическую, симметричную игру цветных огоньков.

По всей стране появлялись лектории, предназначенные для информирования и поднятия настроения местных жителей. Бостон и другие города Новой Англии проявили особую активность в лицейском движении. Одним из первых стал нью-йоркский Лицей естественной истории, открытый в 1819 году. Женщины играли важную роль – как слушатели, организаторы и ораторы. Лицейское движение показало, что «интеллектуальные, моральные и социальные способности не ограничиваются лишь избранными представителями нашей расы, что наука не сосредоточена в каком-то благоприятном месте под небесами, что интеллект и привязанности присущи всему человеческому роду, и что наука безгранична, как земля и небеса». Непосредственный опыт науки – через образцы, приборы, свет и звуки – позволил мужчинам и женщинам, не имеющим достаточного образования, выйти на сцену знаний. Один теолог увидел, что «страна нашего рождения и наших связей так же быстро поднимается в научной славе, как в богатстве и политической власти».

В 1803 году научные проекты Америки получили мощный импульс благодаря визиту еще одного представителя европейского Просвещения – эпатажного прусского эрудита Александра фон Гумбольдта. В качестве последней остановки после своей многолетней экспедиции по испанской части Америки Гумбольдт причалил в Филадельфии и продолжил путь в Вашингтон для встречи с Джефферсоном. Исследовав реку Ориноко дальше, чем любой европейский предшественник, поднявшись на головокружительную вершину горы Чимборасо (вернее, почти), преодолев бури, болезни, враждебность испанских чиновников и настороженность коренных американцев, теперь он отдавал дань уважения «стране будущего».

Пользуясь ошеломляющим арсеналом точных приборов, некоторые из которых потерялись в море, и потрясающей сокровищницей растений, животных, карт и тетрадей для наблюдений, Гумбольдт излагал свои мысли и наблюдения в Американском философском обществе и кабинетах президента. В своих монологах он рассказывал о формировании облаков, разнообразии почв, повадках ящериц, магнитной энергии Земли, об унижительном обращении испанцев с коренными жителями и африканскими рабами, а также о своих надеждах на революцию в Европе. Гумбольдт выступал против рабства, и, будучи ярым республиканцем, он позже станет призывать Симона Боливара возглавить революцию в Новой Испании.

Подход Гумбольдта к изучению природной среды был одновременно локальным и глобальным. Он анализировал изменения флоры, фауны и атмосферных явлений – температуры, давления, состава воздуха, голубизны неба – в зависимости от широты, долготы и высоты над уровнем моря. Он изобразил эти среды в их вариациях, выявив закономерности в распределении растений, геологических образований, животных, а также погоды, беспрецедентно используя диаграммы и карты. Одним из его открытий стали «изотермические полосы», регионы на планете, которые имели схожую температуру – например, северная Европа и северная часть Соединенных Штатов, – что впоследствии использовалось для обоснования экспансии белых поселенцев в Северной Америке. Джефферсон хотел услышать отчеты Гумбольдта об испанских владениях и о том, могут ли они поддаться влиянию – или вторжению – со стороны Соединенных Штатов.

Во время своего визита в 1803 году Гумбольдт поразил как ученых, так и государственных деятелей, включая Альберта Галлатина, Чарльза Пикеринга и молодого Джона Куинси Адамса. Двадцать два года спустя планы президента Адамса по созданию сети «небесных маяков» и единой национальной научной инфраструктуры совпали с видением Гумбольдта о будущем международной науки. Глобально распределенные сети приборов и наблюдателей образовали бы динамичное, живое целое, сплетающее воедино природу и знания. Благодаря этому визиту Гумбольдт стал крестным отцом американской науки. Четыре десятилетия спустя По посвятит ему свою космологию «Эврика».

Гумбольдт для американской науки являлся тем же, кем Лафайет для американской политики. Каждый из них способствовал формированию просвещенного, республиканского видения, характерного для бывших колоний и в то же время связанного с прогрессивными движениями в Европе. Джефферсон принял старшего государственного деятеля так же тепло, как и молодого исследователя. Он видел, что они указывали путь к будущему страны.

Самая либеральная учебная программа

Когда в 1809 году Джефферсон перебрался на свою плантацию в Монтиселло, он сосредоточился на улучшении состояния образования в Соединенных Штатах. Венцом его плана стал Вирджинский университет в Шарлотсвилле, куда По поступил в 1826 году.

Это был смелый эксперимент: национально ориентированный университет с современной учебной программой и без теологического надзора. По плану Джефферсона начальные школы переходили в колледжи, где преподавались навигация, геодезия, языки и «высшие разделы числовой арифметики». На вершине этой «лестницы обучения» находился университет. В письме, предлагая профессорскую должность астроному из Массачусетса Натаниэлю Боудичу, Джефферсон объяснил свой замысел: «Это будет некая «академическая деревня» из зданий, каждое в своем стиле, все расположены на открытом четырехугольнике, образуя миниатюрное, независимое, гостеприимное, корректное и добрососедское общество». По совету архитектора Бенджамина Латроба Джефферсон разместил в центре библиотеку: миниатюрный Пантеон, повторяющий форму Монтиселло, его близлежащего дома. Красный кирпич и белые деревянные рамы ротонды перекликались с колониальным стилем, а приверженность

Джефферсона и Латроба классическому рационализму проявилась в колоннах, куполе и пропорциях.

Аксиома Декларации независимости о том, что «все люди созданы равными», противоречила терпимости Джефферсона к рабству и его вере в «естественную аристократию», основанную на наследуемых различиях в талантах и добродетелях. Хотя Джефферсон считал европейские аристократии почвой для коррупции, в его университете предпочтение будет отдаваться тем, кто «создан для ученых профессий» и «богатым, которые, обладая независимым состоянием, могут претендовать на участие в управлении делами нации» – то есть сыновьям плантаторов и рабовладельцев.

В отличие от колониальных колледжей, в учебном плане Вирджинии акцент делался на естественные науки, хотя языки и риторика по-прежнему поощрялись. Университет Джефферсона позволял студентам «выбирать лекции, которые они будут посещать», и требовал «элементарной квалификации». Как и в Берлинском университете, недавно основанном Вильгельмом фон Гумбольдтом (братом Александра), руководящим принципом в Шарлотсвилле стало «разрешение каждому приходить и слушать все, что, по его мнению, улучшит состояние ума».

На Западном рубеже

Молодой человек с таким социальным положением, образованием и талантами, как у По, мог рассчитывать на блестящее будущее. После окончания университета он мог жениться на Саре Эльмире Ройстер и заняться каким-нибудь мелким делом – возможно, юриспруденцией или политикой, – а если повезет, то унаследовать состояние отца и поступать по своему усмотрению.

Однако его отношения с Алланом уже несколько месяцев оставались натянутыми. В феврале 1826 года он приехал в Шарлотсвилл в экипаже, которым управлял поработанный Алланом слуга Джеймс Хилл. Шел второй год обучения По в университете. В Шарлотсвилле он присоединился к богатым молодым белым мужчинам, которые наводили последний джентльменский лоск перед возвращением к управлению унаследованными поместьями. Они выезжали на лужайку в экипажах, сопровождаемые слугами-африканцами, в дорогих одеждах, с дуэльными пистолетами и большими пособиями.

По стал свидетелем грандиозных амбиций эксперимента Джефферсона в области свободы и добродетели, а также его первых неудач. Его учили профессора, нанятые из Европы: он изучал древние языки у Джорджа Лонга из Кембриджа и современные языки у немца Георга Блеттермана. В библиотеке он брал труды по древней истории, тома Вольтера и учебник Дюфифа с примерами из астрономии, естественной истории и математики. По вступил в Литературное и дискуссионное общество Джефферсона. Вероятно, он даже обедал с Джефферсоном, который регулярно приглашал студентов в Монтиселло, а также стал свидетелем похорон этого великого человека в 1826 году.

Студенты университета играли в азартные игры, сквернословили, выходили на дуэли и устраивали пьяные бунты. Раннее произведение Эдгара По «Мистификация» – жанр литературных подделок, призванных заставить читателя пересмотреть свои предубеждения, – написано на основе университетского опыта. Хотя действие повести происходит в немецком университетском городе Гёттингене, эти же события могли происходить в Шарлотсвилле в 1826 году, где «ничего не делалось помимо еды, питья и веселья», дуэли были в моде, а один лишь намек на то, что «что-то мнение не соответствует статусу джентльмена», становился поводом для вызова.

По писал Аллану:

«Колонны портика достроены, что значительно улучшает внешний вид дома. Книги убраны в библиотеку (у нас, к слову, очень хорошая коллекция).

В последнее время у нас много драк – вчера вечером факультет исключил Уиклиффа за плохое поведение, вернее за то, что во время перепалки он укусил за руку одного из студентов. Я видел своими глазами: все происходило прямо перед моей дверью. Хотя Уиклифф намного сильнее, останавливаться он и не думал – как только соперник оказался в его власти, он начал кусаться (я видел руку – похоже, дело серьезное)».

Вот так обстановка классической эстетики и образованности разрушается актом безжалостной жестокости: это и станет фирменным стилем По. Кроме того, это была точная транскрипция ранней американской действительности.

Сокурсник считал По «очень возбудимым и беспокойным, временами своенравным, меланхоличным и угрюмым, но в лучших своих настроениях веселым, жизнерадостным и самым приятным собеседником». Он прославился тем, что «цитировал поэтов и читал поэтические произведения собственного сочинения, которыми наслаждались его друзья», пока «внезапно в нем не произошла перемена», и он не стал рисовать на стенах общежития «причудливые, фантастические и гротескные фигуры». Среди набросков оказались и иллюстрации к произведениям Байрона, автора бестселлеров в Шарлотсвилле в те времена.

В лаконичной, мелодичной поэзии Байрона нашли отражение остроумие, тоска и болезненная печаль. Славу ему принесло «Паломничество Чайльд Гарольда», длинная поэма, повествующая о путешествии смелого и чувствительного героя, втянутого в скандальные дела и во многом непонятого. Последующие произведения, включая «Манфреда» и «Дон Жуана», писались в трагическом и сатирическом направлениях. Байрон играл со своей публикой, разжигая вокруг себя слухи, в том числе о кровосмесительной связи со своей сводной сестрой. В конце концов он бежал на континент. В Женеве, во время сессии рассказов о призраках с Мэри и Перси Шелли, родился Франкенштейн. После того как Перси утонул, Байрон скончался от лихорадки во время участия в греческой революции.

В университете По вжился в байроническую роль беспутного, одержимого поэта. Чтобы выглядеть соответствующим образом, он купил в кредит три ярда синей ткани, набор «лучших позолоченных пуговиц» и «бархатный жилет». Кроме того, он часто принимал предложение выпить. Как сказал один друг: «Чтобы утихомирить чрезмерную нервную возбудимость, от которой он страдал, По слишком часто подвергал себя влиянию невидимого духа вина».

Алкоголь, особенно персиковый бренди, который любили студенты, оказывал пагубное воздействие. По словам одного из однокурсников, «на него влиял не *вкус* напитка; не желая смаковать или хотя бы распробовать вкус, он брал полный стакан – без воды и сахара – и за один присест отправлял его в желудок. Эта привычка часто доводила его до изнеможения». Даже небольшое количество спиртного влияло на По не самым лучшим образом. Кроме того, первые месяцы он играл в азартные игры – привычка, более простительная для тех, у кого имелось состояние. Однажды, обнаружив книгу гравюр Хогарта, которую он очень хотел, По заключил пари, но в итоге ему пришлось купить ее другому человеку.

В более поздней повести Эдгара По «Уильям Уилсон» подтверждается обращение героя к разврату во время обучения в Оксфорде:

«Нерасчетливое тщеславие родителей снабдило меня таким гардеробом и содержанием, что я по желанию предавался роскоши, уже столь дорогой моему сердцу, – соперничать в расточительстве с самыми высокомерными наследниками богатейших графств Великобритании. Возбужденный возможностью грешить, я мог придаваться пороку, отчего мой пылкий нрав вспыхнул с удвоенной силой. Отбросив все приличия, я бросился в омут разгула. Я изобрел множество новых безумств и тем самым дополнил

длинный список пороков, которыми славился в то время самый развратный университет Европы».

Двойник рассказчика – воплощение нечистой совести – разоблачает его в карточном шулерстве, с позором изгоняет из университета и побуждает к дальнейшему вероломству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.